

Хрупкость жизни

Воронин А. А.,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН,
89031019500@yandex.ru

Аннотация: Обсуждается проблема объективных угроз и субъективных переживаний хрупкости, незащищенности человеческой жизни в понятийной оппозиции безграничности жизненной силы человечества как глобальной общности. Современность умножает как риски и угрозы, так и защиту и всемогущество человека, оставляя индивидууму широкое пространство самоопределения, в котором, однако, продолжают сохраняться не зависящие от человека опасные тенденции. Они связаны как с прогрессом технической и интеллектуальной среды, так и с неожиданными всплесками милитаризма и политического произвола.

Ключевые слова: жизнь, смерть, субъективность, объективные тенденции, могущество, хрупкость, цифровизация, роботы, власть, свобода.

Не было бы несчастья, да счастье помогло.

Жизнь преодолевает все преграды, включая смерть. Собственно, смерть — это не что иное, как обновление жизни, вечное возрождение, торжество через трагедию. Какой бы хрупкой Жизнь ни была, она мощнее и упрямее смерти. Жизнь каждого отдельного человека вписана в эту канву, он или она — участники вечного парада жизни, ее сменная кассета. Умереть самому, чтобы поддержать жизнь как целое, как планетный феномен, — удел всех живущих. Каждый индивид причастен и вечности, и конечности — даже если он этого не сознает. Хрупкость жизни относилась прежде только к отдельным людям, к смертным представителям бессмертного рода *Homo sapiens*. Прежде, но не теперь. Теперь все вывернуто наизнанку — смерть всего рода человеческого возможна по капризу одного из людей, и это реальность. Все речи о закате, кризисе и крахе современной цивилизации, о конфликтах культур, религий, стран и их блоков, о непримиримых противоречиях и катастрофических предчувствиях наконец обрели свою основу — угроза лежит, оказывается, не столько в политике и экономике, не в культуре и религиях, не в бедности и богатстве. Порча в самой природе человека, в антропологическом, родовом устройстве. Всё остальное — только проявления, эпифеномены. Сила смерти сравнялась с силой жизни. И это произошло не случайно, не вдруг, не скрытым от рефлексии образом, это вполне рукотворная, сознательно выстроенная человеком ситуация — себе на погибель, но ради тучи красивых, но лживых идеологических фантомов. Сила смерти

копилась дорогой ценой — ценой отказа от заботы и пестования жизни. На виду у изумленного человечества выхаживание и поддержание жизни, ее кормление, лечение, напутствование и свободное творческое существование было ущемлено ради производства смерти. Кто это делал, кто виноват, кто ответит за это? Все это делали, все виноваты, но пока не очень ясно, кто за это ответит. Виновные будут кивать друг на друга, пока не убедят невинных в бесполезности таких разборок. На том антропологическом уровне, где порча, не оказалось иммунитета от недуга. Как-то всё раньше образовывалось само собой, без «генной хирургии», а упование, что так будет навеки, оказалось беспочвенным. И вопрос не в том, начнет последнюю войну человек или нет, — важно, что человечество вплотную подошло к ее началу. Самое важное — что же толкает нас на фиаско человечности, что не так в самом человеке. Почему царь природы оказался безжалостен к природе, причем своей собственной. Пришла пора понять, что Жизнь и Человек — не одно и то же.

* * *

Понятно, что такие размышления высоко парят над уровнем индивидуального осознания своей жизни — ее силы или ее хрупкости. Мы живем, беря в скобки внешние обстоятельства, пытаемся построить свою жизнь имманентным способом — разве что с использованием на свой кошт внешних условий и возможностей. То, что человек может оказаться игрушкой в руках судьбы, не отменяет его стремления играть на трубе (вспоминая известную фразу). Но свести две партитуры в единую мелодию удастся не всем.

Сделать Жизнь предметом рефлексии — сложная и редкая процедура. Есть такие социумы и культуры, в которых вообще нет места размышлениям о своей жизни как отдельном и важном способе самоустройства — а зачем, если есть готовые матрицы поведения и мышления? Делай как все — и будешь в порядке. Моя жизнь абсолютно неотличима от некоего правила, по которому живут и все остальные. Похоже, что абсолютизм частной жизни тождествен абсолютизму Жизни как целостности, но это тождество — скорее карикатура, плоское подобие, недостоверная аналогия. Оно замкнуто в рамки жесткой социокультурной матрицы. И только «там, внутри» оно продуктивно.

Но и в современных рационально организованных и разумно развивающихся обществах жизнь как предмет рефлексии дается не всем, а удается нечасто. Это особое состояние ума и сердца, когда человек, мыслящий свою жизнь как целое, выходит за рамки обыденности, абстрагируется от рутинного сознания и открывает для себя единство с миром, со всеобщим, с общечеловеческим — но фокус в том, что это не просто акт мышления, не просто эпохэ или деконструкция — это еще мощный экзистенциальный прорыв, ведь в этой общности, в этом единстве с миром человек отчетливо открывает свою индивидуальность. Собственно, этот акт переживания можно считать одной из ступеней рождения индивидуальности, когда мир и моя душа становятся тождественными, прозрачными друг для друга — и бесконечно большими, и бесконечно интимными, личными. Ничего сентиментального в нем нет, он бесстрастно и бесстрашно открывает как беспредельное, так и конечное. Человек ничего не боится, поскольку он обретается в вечности и беспредельности. Оппозиция жизни и смерти предстает как конец бесконечности, осмысливается как конец смыслов, оценивается как обрыв ценностей, но

сама жизнь только в этой оппозиции и стягивает на себя всю ценность мира, все смыслы и ценности, всю полноту ощущений и страстей. Такое состояние не может длиться долго, оно посещает человека внезапно, захватывает глубоко и полно, но пропадая, оставляет памятный след в его душе. У меня такие переживания были связаны со случайными событиями — после того, как меня вытащили из воды, когда я тонул, потом во время ночного ожидания на пристани катерочка, на котором я должен был отправиться в путешествие, еще раз в осеннем лесу, встретившем меня сказочной красотой золотой осени. Я хочу сказать, что жизнь как целое становится предметом мысли и переживания не в ходе теоретического или эстетического дискурса, не в момент моральных смятений и терзаний, не вызывается произвольно интеллектом человека. Ведь жизнь — отнюдь не только интеллект. И явление ее во всей своей полноте — отнюдь не только интеллектуальное событие. Сколько раз я пытался по советам мудрецов медитировать, вглядываться в святые лики, толковать философские работы о бытии, вчитываться в пророческие строки поэтов, чтобы вновь хотя бы приблизиться к тем далеким и прекрасным переживаниям, — но ничего не выходило. Жизнь, явным образом присутствуя, не открывается по моей прихоти. Хрупкость жизни, выходит, еще и в ее застенчивости, неявленности, в том, что она любит скрываться, не поддается усилию удержать ее в поле активной мысли, вместить ее полноту в текущее русло непосредственного бытия. Она вынуждает нас ступать осторожно, нащупывая каждую следующую ступень как во тьме, неуверенно и боязливо, и только так мы двигаемся успешно. Но и успешно пройденные рубежи не становятся автоматически достоянием последующих поколений — утраты невосполнимы, и требуются огромные усилия, чтобы воссоздать хотя бы частично богатство уходящих поколений. А тем, кто самоуверенно ломит вперед и свысока смотрит на робких и отставших, — тем достается участь печальная, хоть и смешная.

В обыденной жизни нам приходится защищать свое «Я» хорошо зарекомендовавшими себя способами — кокон, скорлупа, футляр, матрица идентичностей — придумано много названий для обозначения выстроенной и обкатанной в течение долгих и непростых лет жизни личной платформы, личного образа и личного внутреннего устройства каждого из нас. Важно то, что людям очень важно сохранить в неприкосновенности свой образ жизни, свой мир, свои привычки и базовые установки — эмоциональные, ценностные, мировоззренческие и т. д., то есть свою индивидуальность. Атаки на нее всегда очень болезненны. Стабильная жизнь создает условия для стабильности личного мира. Конфликты, перемены, повороты несут в себе угрозу стабильности. Если верно то, что человек вообще живет постоянно на границе явного и грядущего, и даже внутри явного он постоянно находится в динамичном споре с миром, что человек — существо по природе пограничное, то это значит, что мир есть постоянная угроза его целостной мировоззренческой платформы. Его личности как четко определенной и самоопределенной персоны, то есть того, что далось ему нелегко и бережется очень тщательно. Мир может быть организован таким образом, что он заботится о гармонии человека и обстоятельств его жизни. По крайней мере, он к ней

должен стремиться. Это возможно только тогда, когда каждый человек что-то значит для мира, в котором он живет... Но если мир озабочен геополитическими материями, если его оптика не замечает индивида и не понимает, что сам мир и устроен и состоит из усилий создать их гармонию, тогда рушатся обе стороны конфликта — и личность, и мир. Точнее, уже не мир, а война. Она сжигает и себя, и личность. Величие человека и величие целей войны превращаются в прах.

* * *

Вещий Олег, герой классической песни, был грозным, могучим князем, которому подвластны были пространства и времена, дружина и города, села и нивы и прочие объекты власти. Ему покорился Царьград, он предал мечам и пожарам своих соседей хазар, он не прощал никому буйных набегов... Казалось, монолит, глыба, волжский утес, а не человек. Но, вскрикнув внезапно, ужаленный князь оказался жертвой земноводного пресмыкающегося, на тридцать ступеней ниже его по биологической шкале и на бесконечность по социальной. О чем эта песнь? О тщете земного, о роке, о колдовстве, о незащищенности человека от игры судеб, вершащихся на небесах? Обо всем этом, и еще о том, что сила, которая превращает могущественного владыку в прах и тлен, неподвластна ни разуму, ни власти, ни княжеской казне, ни мероприятиям по обеспечению личной безопасности охраняемого лица. Что это за сила?

Самый простой и правильный ответ, закрывающий любые дальнейшие рассуждения: так было предписано богами, такова судьба, князь ведь тоже раб господень, воля, усилия, стремления и мероприятия ничего изменить не могут. Точка. Доктрина предопределения в работе. Сопrotивление не только бесполезно, но и греховно.

Ответ посложнее: жесткая причинно-следственная связь, Лапласовский детерминизм, из которого тоже не вырваться и от которого не спастись. Так соединились атомы и молекулы в момент творения, что змея обязательно выползет и обязательно ужалит, — это сила природы, помноженная на божественный уклад бытия. Очень близко к *causa sui* Спинозы — бог и природа положили начала и пределы бытию, вне и помимо божественной природы и природного божества нет ничего ни на свете, ни за его пределами.

Вопрос в том, надо ли стремиться к дальнейшему усложнению вопроса или вполне можно принять те варианты, которые вполне надежно зарекомендовали себя в течение столетий и были приняты многими странами и народами в качестве достаточно обоснованных стратегий жизни?

Ведь объяснить что-либо — это просто подвести его под уже понятное, принятое, бесспорное, освященное авторитетом — то ли церкви, то ли начальства, то ли молвы, то ли всех вместе в разных пропорциях. Но вот здесь как раз и чувствуется расхождение обыденного сознания с философской рефлексией. Раз все очень понятно, да еще и всем поголовно, значит, здесь и ищи, *hic Rodos*, хочешь — прыгай, хочешь — копай поглубже, хочешь — спорь с очевидным; *hier ist das Hund begraben*, как любил выражаться Ф. Т. Михайлов.

Итак, почему жизнь — такая хрупкая штука? Ей, этой характеристике, противостоит концепт могущества человека как вида, как социума, как индивида с его неограниченной креативностью и всеобщностью мышления и деятельности, творчества

и господства над средой. Природной, материальной, духовной, интеллектуальной, чуть было не сказал — социальной, и хорошо, что не сказал. Потому, что во времена вещего Олега сторонами конфликта между жизнью и смертью были боги, природа и люди. Но теперь список участников разросся, в него уже включены новые обстоятельства жизни. Прежде всего, появилась вторая природа — место обитания современной цивилизации. Она уж и не природа просто, да и человек в ней уже не тот, что был тогда, — гармония человекоразмерного мира превратилась в дисгармонию сверхразмерности, сверхскорости, сверхсложности, сверхскупченности, сверхмощности и т. п. Конечно, промышленная эпоха, а вслед за ней и последующие этапы прогресса резко изменили и ландшафт, и ландшафт, если позволите такой неологизм. Сколько гневных и печальных сентенций было высказано и записано по поводу того, что огнестрельное оружие погубило рыцарский образ жизни! Сколько слез пролито по шедеврам цехового ремесла, затоптанного фабричным производством в пыль истории! Постепенно уже и слезы высохли, и гневные речи сменились гимнами промышленности и прогрессу: о теле электрическом пел Уолт Уитмен, первый на Земле хиппи и самый яркий пророк машинерии. Помимо второй природы, то есть материальной основы цивилизации, возникли рукотворные сферы бытия, обладающие сложными внутренними устройствами и выполняющие сложные посреднические функции между людьми, природой, богами. Пока не пытаюсь их как-то классифицировать, просто перечисляю, и без претензий на полноту списка. Это и техника, и церкви, и политические и силовые институты, и медицина, и образование, и производство предметов, необходимых для жизни, — промышленность, сельское хозяйство, транспорт, космонавтика... Подавляющее большинство этих форм опосредования отношений между людьми способствует усилению, укреплению, улучшению мощи человека. Даже оружие, смертельное уже не для соперника в сабельном бою, а для планеты целиком — тоже, как ни странно, создавалось и создается для умножения сил и господства человека над ойкуменой. Говорят, что рану Пушкина мог бы вылечить современный хирург средней руки, а страшные эпидемии прошлых веков могли быть купированы вполне заурядными современными лекарствами. То есть мощь и сила человека возрастают многомерно с течением времени и с прогрессом техники и технологий. Наука, ориентированная на увеличение жизненных благ человечества, технологии, позволяющие конкурировать с божественным творением, культура, опоясывающая планету ноосферным полем, и даже спорт, раскрывающий дремлющие в человеческом организме потенции к бесконечному совершенствованию тела и духа, — вот все эти и куча других обстоятельств должны были бы сделать жизнь человека и человеческого рода твердыней благополучия, процветания, здоровья, творчества и раскрытия все новых и новых рубежей благодати и радостной преемственности поколений.

Но мы говорим о хрупкости жизни, которая возрастает вместе и вместо радужных перспектив человека. Мы говорим о субъективных ощущениях опасности, неуверенности, тревоги и депрессии, апатии, аномии и т. д., но мы также говорим и об объективных, вне человеческого сознания бытующих, тенденциях потери человеком центрального места в ряду как природных, так и им же самим созданных условий и обстоятельств жизни.

* * *

Субъективные состояния вынуждены разными внутренними и индивидуальными обстоятельствами — биографического, психологического и ментального состояния, средой, здоровьем, успешностью или неудачами, возрастными и сексуальными особенностями. Часто субъективные переживания связаны с давлением Супер-эго, навязывающего человеку невыполнимые образцы поведения. Чем богаче общество, чем выше уровень жизни, тем выше процент самоубийств, тем больше душевнобольных людей. Стало быть, в самом прогрессе заложена какая-то странная хворь самоуничтожения. При этом видимые причины, те, что на поверхности, обескураживающе примитивны. Если у меня нос кривой или волосы не вьются — это уже повод для сильнейших душевных диссонансов, и хоть виноватых можно всегда выявить и изобличить, легче не становится. Внешность вообще есть повод либо для драматических душевных мук, либо для гордыни, убивающей душу не хуже страшных терзаний. В редких случаях эволюция подсказывает такие типажи, как Эллочка-людоедка, у которых вообще отсутствуют рефлексия и самосознание. Но обычно субъективный мир, внутренняя жизнь человека — площадка эмоционально-эспрессивных состояний, болезненно реагирующих на атаки извне — кажущиеся или реальные. Многим кажется, что исторические новации мало что меняют во внутреннем устройстве человека, и сегодня, как и тысячу лет назад, душевный дискомфорт связан с жадностью, завистью, гордыней, черствостью, а счастье понимается как букет, составленный из любви, признания, достоинства, творчества и прочих приятных вещей. Современность, мол, лишь окрашивает, но не меняет радикально фигур и конфигураций внутреннего мира. Отчасти с такой точкой зрения можно согласиться, отчасти — нет, просто потому, что современность привносит во внутренний мир человека множество невиданных доселе предметов, идей, переживаний и стремлений. Жесткий диктат со стороны массовой культуры, моды, субкультурных общностей, карьерных устремлений в новых поприщах и принудительность общественных поветрий — вроде культуры отказа, новой этики или BLM — открывают новые горизонты внутреннего мира и в то же самое время ставят ему жесткие границы.

* * *

Но особенно заметны осложнения и множественность уже не в субъективной, а в объективной реальности, точнее говоря, в тенденциях исторических изменений. Вот здесь и возникают новые основания для ощущения хрупкости жизни, которые так или иначе сказываются уже и на внутреннем мире человека. Хотя... самое главное во взаимоотношениях субъективного мира человека и объективных обстоятельств его жизни — то, что теперь они превратились в нечто единое, неразличимое, так что последующие классификации будут в известной степени условными. Современная цивилизационная эпоха основана на манипуляциях информацией, об этом я подробнее писал в статье «Техника 1-2-3»¹. Ей на смену приходит, а отчасти уже и пришла

¹ Воронин А. А. Техника 1-2-3 // Философия науки и техники. — 2020. Т. 25. № 1. — С. 96–109. DOI: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-96-109.

следующая стадия развития — манипуляции (основанные на науке и технологиях) с мозгом, с материей мозга, с мозговым веществом. Но это вещество совершенно иного уровня сложности и организации, чем любое вещество, которое изучалось наукой раньше. Его технологическим аналогом стал искусственный интеллект, а в скором будущем — сверхинтеллект. Это новое ноосферное явление, превосходящее человека в могуществе и грозящее заменить собой биологический вид *Homo sapiens*. Чарующее, но и пугающее единство природного и созданного, естественного и искусственного — венец творения, предел эволюции, конец истории, рукотворное надгробие своим создателям, а заодно с ними — и всего рода человеческого. Видимо, хворь самоуничтожения оказывается сильнее самоутверждения, по крайней мере, тенденция отчетливая. Об этом много уже написано, могу сослаться на книгу Дж. Баррата², в которой собран обширный материал на эту тему.

«Нашему биологическому виду предстоит смертельная схватка. В этой книге рассматривается возможность того, что человечество потеряет контроль над собственным будущим. Машины <...> достигнув уровня самой непредсказуемой и могущественной силы во Вселенной, — уровня, которого сами мы достичь не способны, — начнут вести себя непредсказуемо, и их поведение, вероятно, окажется несовместимо с нашим выживанием. Впервые человечество встретилось с разумом более мощным, чем его собственный, — «искусственным суперинтеллектом» (ИСИ)» [Баррат Дж., 2018, с. 2].

«К примеру, ИСИ мог бы подтолкнуть людей к созданию самовоспроизводящихся машин молекулярной сборки, известных также как наноассемблеры. <...> Перепрофилирование молекул при помощи нанотехнологий уже окрестили «экофагией», то есть «пожиранием окружающей среды». Первый репликатор изготовит одну копию себя самого. Репликаторов станет два, после чего они быстро «склепают» третий и четвертый экземпляры. В следующем поколении репликаторов станет уже восемь, еще в следующем — шестнадцать и т. д. Если на изготовление каждого репликатора будет уходить полторы минуты, через десять часов их будет уже более 68 млрд, а к концу вторых суток суммарная масса превысит массу Земли. Но задолго до этой стадии репликаторы прекратят самокопирование и начнут производить материалы, в которых нуждается управляющий ими ИСИ, — программируемое вещество. <...> Тепло, выделившееся в процессе производства, сожжет биосферу, так что те из 6,9 млрд человек, кого наноассемблеры не убьют сразу, в итоге все равно сгорят или задохнутся. И все живое на планете разделит нашу судьбу» [Там же, с. 4].

«Машины аморальны, и считать иначе — опасно. Мы не знаем, будут ли у искусственного разума *хоть какие-то* эмоциональные качества, даже если разработчики приложат к этому все усилия. Однако ученые уверены, как мы увидим далее, что у ИИ обязательно будут собственные желания и мотивации. А у достаточно мощного ИИ будут и хорошие возможности для реализации этих желаний.

Директор Института будущего человечества Оксфордского университета Ник Бостром говорит: «Сверхразум — нечто принципиально иное в технологическом смысле,

² Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens* / Дж. Баррат; Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. Электронный ресурс: <https://www.litmir.me/br/?b=274803&p=2> (дата обращения: 20.09.2022).

потому что его создание изменит законы прогресса; сверхразум создаст множество изобретений и задаст темп технического развития. Человек перестанет быть движущей силой перемен, и вернуться к прежнему состоянию вещей будет уже невозможно. Более того, мощный машинный разум в принципе ни на что не похож. Созданный людьми, он, несмотря на это, будет стремиться к самоидентификации и свободе от человека. У него не будет человеческих мотивов, потому что не будет человеческой души» [Там же, с. 6–8].

Таким образом, антропоморфизация машин порождает ошибочные представления о том, что можно безопасно создавать машины, аналогичные человеку. Усугубляется ситуация тем, что человек сознательно стремится к очеловечиванию машин, поручая им решать в том числе и моральные проблемы, создавая программы самокоррекции поведения искусственного интеллекта с ориентиром на моральные нормы. Как только люди перепоручат свое моральное сознание искусственному интеллекту, они перестанут быть субъектом морального поведения. И сознания заодно.

* * *

Объективные тенденции. Логика истории — в чем она? Неужели в простенькой сентенции: ружье, повешенное в первом акте, обязательно выстрелит в третьем? Бесконечное накопление оружия, вместе с внушительным ростом милитаризма в мире, провоцирование конфликтности теми сообществами, которые получают выгоды от милитаризации и конфликтов, не могут не поставить вопрос о возможности военной угрозы практически всему земному шару. И эта возможность превратилась в реальность, и источником реальной угрозы миру стала наша страна. К применению ядерного оружия призывают ведущие отечественные политики, не говоря уже о толпе политологов, не упускает возможности пригрозить им и Путин. Счастье высоких цен на энергоносители обернулось несчастьем милитаризма и империализма. Можно ли считать это логикой истории? Вряд ли, скорее мы в очередной раз убеждаемся в бесплодности навязывания реальной истории логических и вообще ментальных схем. «Понять» логику истории можно, только высокомерно игнорируя ее реальность — чаще чудовищную, нежели прекрасную, — то есть приписывая реальной истории умозрительные схемы, удобные волхвоведам академической науки. Человек, таким образом, становится уже не заложником исторической необходимости — читай философско-исторической доктрины, — он не винтик исторического механизма, нет. Гораздо хуже — он остается игрушкой случая, он зависим от сцепления случайностей, повлиять на которые ему удастся только в очень редких случаях и в очень ограниченном масштабе. Ни справедливости, ни возмездия, ни воздаяния человек от истории не получит, в ее арсенале совсем другие субстанции. Это особенно наглядно при даже беглом взгляде на историю России за последние 100 лет. Революция и гражданская война не только расколола российскую державу, общество, цивилизационные устои, складывавшиеся веками. Она разрушила старый мир до такого основания, как право человека на жизнь. Его упразднили. Ментальность новой страны, залитой кровью и слезами, наполненной страданиями и горем, бессилием и ненавистью, стала изначально ущербной, и другой быть не могла. Впрочем, о политической ситуации я здесь писать не стану, это уже достаточно полно и правдиво описано в литературе. Просто подчеркну, что хрупкость человеческого существования — условие процветания тоталитарного государства, власть

над жизнью людей сделавшего своей основной заботой. Логика истории была бы неумолимым молохом, использующим человеческие жизни в качестве топлива для своего жестокого движения, если бы не Надежда на силу жизни, возвращающая человеку человеческое, и не отважные герои, бесстрашные люди, противостоящие гибельным социальным тенденциям.

* * *

Может, и не хрупкость, а уязвимость — а уже как следствие и хрупкость — связана с потерей чувства целостности личности. Иными словами — полноты собственного достоинства, в силу включенности человека, во-первых, в массовые сообщества, и во-вторых — в дробную систему разделения труда, требующую от него узкой специализации, профессиональной функциональности. (Не будем здесь больше касаться болезненной темы политического устройства нашего социума.) Хорошей иллюстрацией может послужить спорт высоких достижений. Он требует от человека такой специализации, которая только и делает возможным установление рекорда, то есть выхода за пределы возможного. Колоссальный институт спорта производит в массовом масштабе узкоспециализированных людей — на каком-либо отдельном виде движения или навыке. Для них заведомо исключены любые другие виды деятельности, и их личность подвергается целенаправленному формированию. Я уже не говорю о том, что спорт опасен для телесного здоровья, он оказывается также опасен и для души. Герой спорта — это, как правило, частичный человек, в каком-то смысле неполноценный в социокультурном контексте. Бывают, конечно, исключения, но они не делают общей картины.

Во многих областях деятельности специализация не связана с рекордами, а служит узкой профессионализации человека в массовом производстве. Рынок труда очень требователен к качеству рабочей силы, и универсализм возможностей человека не так ценен, как безукоризненное исполнение строго регламентированных операций. Отсюда — обезличка, простая заменяемость одного человека другим — а он ничуть не хуже! — частичный человек ловок в каком-либо одном деле, совершенствуется всю жизнь, достигает успеха — но успеха деперсонализированного работника, почти робота, и оказывается равным такому же специалисту, а то и автомату-роботу, который может заменить с десяток таких исполнителей. Уникальность и полнота жизни — в загоне, но появляется потребительская культура, которая компенсирует сущностные потери за счет псевдопотребностей. Казалось бы, богатство общества, позволяющее людям не заботиться о пропитании и крыше над головой, — вековая мечта о сладком рае свободы и безделья. Но угроза близка, хоть и не заметна: человек становится несамостоятельным фрагментом мощной потребительской культуры, как раз паразитирующей на стремлении к индивидуальности и к счастью и производящей в массовом порядке эрзацы и подмены этих ценностей, доступные по приемлемым ценам. Опять возвращаются времена беспрекословного подчинения жестким матрицам поведения, как в традиционных обществах, только их площадь и расцветочка стали намного шире и разнообразнее.

* * *

Цифра и чувство. Поддаются ли оцифровке эмоциональное и ценностное, вера и долг, любовь и предательство, честность и честь? Нет, конечно. Цифровая фотография, цифровая музыка, big data с оцифровкой внешности человека и распознаванием людей в толпе, компьютеры и гаджеты — это уже кожа общественного организма. Но оцифровка внутреннего мира человека, его эмоциональной и вообще душевной жизни невозможна, и в силу этого она отодвигается на периферию коммуникативных связей, высушивается и в межличностных отношениях, и в персональной, субъективной реальности. Опять: счастье оцифрованного общения обернулось несчастьем эмоционального дикарства. Неполноценность и уязвимость внутреннего мира ничуть не менее опасны, чем уязвимость телесная, одно накрепко связано с другим, внутренне ущербный человек не защищен от многочисленных коллизий жизни. И туда же — в школе, подчиненной стандартам ЕГЭ, где нет места педагогике, воспитанию, мужанию, познанию, любознательности и интересу, а есть образовательные услуги, — может ли нормально вырасти нормальный ребенок? Винтик в мегамашине социума — да, а полноценный молодой человек — нет. И мы это уже получили, молодежное дикарство уже стало повсеместным явлением. Самостоятельное мышление отменено, вместо него — набор алгоритмов, которого достаточно только для очень ограниченного круга житейских забот. Тут не только в школе дело, школа — это часть общей тенденции, цифровизации жизни в целом, расползание пятна цифровизации с исчислимых процессов на экзистенциальные состояния. Вот отсюда — множество симулякров и имитаций, эмоциональная фальшь и незрелость, экзистенциальная дикость молодежи, цинизм. Математика тут не виновата, все математики — эмоциональные люди. Виноваты искажения, сопутствующие попаданию математики в массовую культуру. В том числе — в школу.

* * *

Робот и человек. Роботизация, как и многие другие прорывные технологии производства и обслуживания, принесла колоссальные выгоды человечеству в целом и отдельным категориям населения, вроде инвалидов, рабочих на массовых производствах, а также во многих профессиях, вплоть до медицины. Это хорошо известно, так же как и множество предупреждающих соображений о подмене человеческого машинным. Не вдаваясь в обзор и комментарии этой обширной тематики, мне хотелось бы отметить только один момент, на который недавно указала в своем докладе на семинаре в ИФ РАН Ф. Г. Майленова³. Она говорила о проблемах, связанных с широким распространением сексуальных роботов, включая такие экзотические, как голограммные сексуальные партнеры, с которыми люди вступают в реальные браки и испытывают подлинное человеческое счастье. Как бы ни казались эти случаи исключительными, необычными, порывающими традиции брачных отношений — они по-своему эффективны и решают проблемы тех людей, которые выбирают именно этот тип и стиль жизни. Казалось бы, что плохого, кроме пересмотра стереотипов традиционного сознания? Ближайшая перспектива такова, что практика брачных экспериментов будет только

³ Майленова Ф. Г. Роботы и люди. Доклад на конференции в ИФ РАН. Электронный ресурс: <https://iphras.ru/page31032565.htm> (дата обращения: 20.09.2022).

Сокращенная запись: https://youtube.com/playlist?list=PLzQG0G0UrEGleWE_WX_2Ynh9qhnDcAz-t.

расширяться и становиться более многообразной. А вот более отдаленные перспективы уже не столь радужны: ведь искусственный брачный партнер, будь то мужчина или женщина, да еще при постоянном прогрессе в технологиях изготовления этих «кукол», через некоторое время может сильно подорвать сексуальный отбор как один из базовых инструментов воспроизводства человека, что существенным образом скажется на качестве рождающегося «обычным путем» нового поколения людей. Заодно полностью деконструируется романтизм любви и живость отношений «супружеской» пары (или N-мерного брачного партнерства).

* * *

Тело и технэ. Развитие техники, которое поначалу философы (Э. Капп⁴) связывали с усилением органов человека, покончило с человекоразмерностью технической среды. Скорость, сила, новые возможности в материалах и объектах, которыми манипулируют технологии, в движении, в ритме изменений, в их качестве превзошли человека со своими природными качествами. Человек по многим параметрам давно уступил технике. Он пользуется ей, а она им. Техника давно перешагнула порог телесности, с самыми благими намерениями, и добилась при этом колоссальных успехов — от имитации отдельных органов до возвращения человека с того света в реанимационных отделениях. Однако возникают неведомые доселе проблемы и угрозы, из-за которых человек начинает испытывать неуверенность и боязнь перед техникой и технологиями. Об этом прекрасно говорят и пишут наши коллеги — П. Д. Тищенко, О. В. Попова, Р. Р. Белялетдинов, С. Ю. Шевченко и др. Пандемия тому самый лучший пример. Сколько народу было спасено благодаря интенсивной терапии! Но сколько издержек проявилось при директивной вакцинации! Экспансия лечебных и профилактических технологий оказалась опасной еще и потому, что они были задействованы при неполных данных о вредности/безвредности препаратов. На место проверенной и доказанной информации ставилась авторитетность мнений чиновников и специалистов, по тем или иным причинам заинтересованных в проведении широкой кампании вакцинации населения. Все общество во время пандемии оказалось пациентом, а модель отношений «врач — пациент» оказалась, увы, патерналистской. Информированное согласие на вакцинацию оказалось фикцией, и сама идея такого согласия оказалась подорванной. В очередной раз человеческая жизнь оказалась игрушкой в руках влиятельных социальных сил — властей, бизнеса, корпоративных интересов и идеологических доктрин. Движение антипрививочников, несмотря на уязвимость их аргументации, отчетливо показало недоверие, возникающее в отношении вчера еще незыблемого авторитета врача и медицины в целом. Причем недоверия массового. Это тревожный сигнал, доверие населения к медицине придется восстанавливать ввиду новых угроз и новых вирусов.

Жизнь в постоянно меняющейся технической среде вызывает у человека ощущение своей временности, или, как пронциательно заметил В. М. Межуев, будущее стало страшным, поскольку местом жизни человека стали время, изменчивость, сплошная длительность, из нее изъята вечность, в которой обретались ценности и смыслы. Им на

⁴ Капп Е. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig: George Westermann, 1877. 360 p.

смену пришли безразличие и бессмысленность, ставшие модными трендами не только массовой культуры, но и постмодернистской социально-философской рефлексии⁵. Попытки вернуться в классические времена, когда вечность аффицировала повседневность, сегодня воспринимаются уже как винтажная и архаическая ностальгия.

* * *

Власть и свобода. Борьба за ресурсы и борьба за власть — что первично, а что вторично? Если бы люди не воевали за ресурсы, их было бы несравненно больше — расходы на войну и ущерб от нее гораздо больше, чем выигрыши. Но властные амбиции оказываются сильнее здравых расчетов. Власть и свобода — это сообщающиеся сосуды, в нормальном состоянии уравнивающие друг друга. В России исторически власть — это и есть свобода, свобода суверена делать всё, что ему заблагорассудится. Заметьте: **благорассудится**. То есть разум суверена направлен на благо поданных, это и есть социальный контракт правовой системы феодализма. Но ни разум суверена, ни его трактовка блага ничем не ограничены. Поэтому в сообщающихся сосудах жидкость прав и обязанностей не уравновешена. Власть у нас издревле понимается как свобода: от семьи — домохозяйства — до государства, устройство которого обеспечивает вождю полную волю произвола. Свобода поданных, граждан — это враг власти, это ее оппонент в практической жизни, но и в теории тоже. В этом конфликте власть сильнее, она вооружена и беспринципна, тогда как свобода безоружна и нравственна. Компромисс между ними возможен только при условии, что каждая сторона получает свой кусок зыскуемого, и компромисс этот держится на договоре — причем власть легко может его нарушить, именно потому, что она беспринципна, цинична. А свобода взывает к моральному чувству. И к правовым нормам, которые могут быть подвижны настолько, насколько это надо власти. Единственная возможность сохранить безопасный баланс власти и свободы — их взаимный контроль, обуздание обоюдных чрезмерных претензий на компромиссных, то есть правовых основах. Безопасность как отдельного человека, так и обществ — а стало быть, хрупкость или устойчивость их существования, — лежат, однако, не в праве, не в политическом устройстве, не в культуре и не в экономике — по отдельности, а в их согласном устройстве, и эта непростая задача решается долгим путем обществ к демократии. Другие пути, как мы видим, такого эффекта не дают. Расчеты на спасительную роль культуры, на очищение нравов благодаря цивилизационным ценностно-нормативным системам могут обернуться маниловщиной, тем более что в самой культуре не все так гладко и бесппроблемно. Мне даже стало казаться, что варварство, дикость, деградация были порождены, как ни странно, активным развитием образования, науки, культуры, искусства. Как это? Почему? За счет того, что авангард слишком далеко оторвался от арьергарда! Авангард слишком упивался своей крутизной. Он специально изобретал самые разные способы унижить, высмеять, опустить, оторваться от пошлости, простоты, низменности массовой культуры. И таки оторвался! Да так, что вырыл пропасть между разными кластерами людей. На том берегу стали ненавидеть знание, мораль, искусство, манеры, гуманизм, толерантность... Стало «нормальным» не

⁵ Межуев В. М. Доклад // Время конца времен. Время и вечность в современной культуре. — М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2009. — С. 50–63.

читать книг, не знать музыки, не иметь манер и воспитания — это всё удел «ботаников», — зато модно быть грубым, самодовольным и агрессивным. Это уже не разрыв, о котором писал Ч. Сноу — между гуманитариями и технарями, который все-таки был внутри культуры, хоть и с разными стилистическими векторами. Скорее, это разрыв между культурой и новым городским (только ли?) варварством, в котором вандализм, догхантерство, скинхедство и прочие экстремальные девиации находят свое заметное место. При полном равнодушии правоохранительных органов. Это тем более странно, что в РФ одно время было огромное число университетов, может быть, хоть и слабеньких, но все же поддерживающих высокие стремления к образованию и культуре.

И все же, несмотря на постоянные и все более разрастающиеся угрозы Жизни, в ней живет вечный двигатель, возрождающий, как птица Феникс, на самом жутком пепелище ростки солидарности, заботы, любви и творчества.

Литература

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens* / Дж. Баррат; Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. Электронный ресурс: <https://www.litmir.me/br/?b=274803&p=2> (дата обращения: 20.09.2022).
2. Воронин А. А. Техника 1-2-3 // *Философия науки и техники*. — 2020. Т. 25. № 1. — С. 96–109. DOI: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-96-109.
3. Майленова Ф. Г. Роботы и люди. Доклад на конференции в ИФ РАН. Электронный ресурс: <https://iphras.ru/page31032565.htm> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Межуев В. М. Доклад // *Время конца времен. Время и вечность в современной культуре*. — М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2009. — С. 50–63.
5. Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik*. Braunschweig: George Westermann, 1877. 360 p.

References

1. Barratt J. *Poslednee izobretenie chelovechestva: Iskusstvennyj intellekt i konec ery Homo sapiens* [The Last invention of mankind: Artificial Intelligence and the end of the era of *Homo sapiens*], 2nd ed. Moscow: Alpina non-fiction, 2018. URL: [<https://www.litmir.me/br/?b=274803&p=2>, accessed on 20.09.2022]. (In Russian.)
2. Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik*. Braunschweig: George Westermann, 1877. 360 p.
3. Maylenova F. G. *Roboty i lyudi. Doklad na konferencii v IF RAN* [Robots and people. Report at the conference at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. URL: [<https://iphras.ru/page31032565.htm>, accessed on 20.09.2022]. (In Russian.)

4. Mezhujev V. M. “Doklad” [Report], in: *Vremya konca vremen. Vremya i vechnost' v sovremennoj kul'ture* [The time of the end of time. Time and Eternity in modern culture]. Moscow: Moscow-Petersburg Philos. Club, 2009. Pp. 50–63. (In Russian.)

5. Voronin A. A. *Tekhnika 1-2-3* [Technique 1-2-3]. Philosophy of Science and Technology, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 96–109. DOI: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-96-109. (In Russian.)

Fragility of life

Voronin A. A.,

DPhi, Leading Researcher, Institute of Philosophy RAS,
89031019500@yandex.ru

Abstract: The problem of objective threats and subjective experiences of fragility, insecurity of human life in the conceptual opposition to the boundlessness of the life force of humanity as a global community is discussed. Modernity multiplies both risks and threats, as well as the protection and omnipotence of man, leaving the individual a wide space of self-determination, in which, however, dangerous tendencies independent of man continue to persist. They are connected both with the progress of the technical and intellectual environment, and with unexpected outbursts of militarism and political arbitrariness.

Keywords: Life, death, subjectivity, objective tendencies, power, fragility, digitalization, robots, power, freedom.